

Б.М.Витенберг

9 ФЕВРАЛЯ 1916 г.: НИКОЛАЙ II В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ*

Vitenberg, B.M. "9 February 1916: Nicolas II in the State Duma".

One of the more noted events in the political life of Russia in the period of the World War I was Nicolas II's visit to the State Duma on 9 February 1916, a fact not elucidated in V.S.Diakin's works. The author gives his evaluation of this event, remarking that it was a demonstrative step towards the people's representatives on the part of the monarch which could have led to drastic changes in the social and political life of the country. But ultimately, in author's opinion, this visit brought about a new confrontation between the "old regime" and Duma's majority.

Первое за все время деятельности российского народного представительства посещение императором Николаем II Государственной думы 9 февраля 1916 г. (оказавшееся по

* В данной статье в развернутом и дополненном виде использованы некоторые материалы нашего доклада «М.В.Родзянко или князь Г.Е.Львов? Проблема лидерства в объединенной оппозиции (осень 1915–рубеж 1916–1917 гг.)» на международном семинаре «Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 г.», состоявшемся в Санкт-Петербурге в мае 1998 г. Текст этого доклада см.: *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1997. Vol.24. Nos.1–2. P.97–114; тезисы см.: *Отечественная история*. 1999. № 4. С.104–105.

воле судеб и последним) относится к числу тех немногих сюжетов политической истории России в годы Первой мировой войны, которые не привлекли пристального внимания Валентина Семеновича Дякина.

Трудно сказать, что было тому причиной. Возможно, на фоне создававшейся Валентином Семеновичем в его научных трудах масштабной панорамы политической борьбы того времени событие 9 февраля 1916 г. представлялось ему незначительным по своим общим политическим итогам.

Однако, на наш взгляд, даже чисто символическое значение первого появления Николая II в Думе, воспринятого в большинстве своем современниками именно и прежде всего как демонстративный шаг монарха навстречу народным представителям, само по себе представляет определенный интерес.

К тому времени, за почти десятилетие деятельности российского парламента, уже сложились на основании отдельных прецедентов традиции взаимоотношений между императором и Думой. Одна из них касалась такой весьма сложной, деликатной и в то же время принципиально важной стороны этих отношений, как непосредственные личные контакты носителя верховной власти с представителями власти законодательной.

Начало им было положено, как известно, в день открытия законодательных палат, 27 апреля 1906 г., торжественным приемом императором членов Государственной думы и реформированного Государственного совета в Георгиевском зале Зимнего дворца.

Известны разочарование и даже раздражение Николая II деятельностью первых двух радикальных по своему составу и в целом негативно относившихся к «исторической власти» Дум, в конечном счете им распущенных. В значительной степени поэтому впоследствии приемы царем депутатов и более чем лояльной III Думы и сменившей ее вполне благонадежной Думы четвертого созыва происходили крайне редко и всякий раз после длительных и настойчивых просьб председателей нижней палаты (Родзянко 1993: 54; Куманин 1999: 9–10). Появление же императора в стенах Таврического дворца не только не предполагалось складывавшейся российской традицией (в отличие, например, от освященного веками британского ритуала

ежегодного торжественного прибытия монарха в парламент), но явно выходило бы за ее рамки и стало бы событием чрезвычайным.

Лишь 26 июля 1914 г. Государственная дума вместе с Государственным советом в полном составе вновь были призваны в Зимний дворец, что должно было стать демонстрацией единения императора и законодателей перед лицом начинавшейся мировой войны.

Приезда же императора в Таврический дворец народным представителям пришлось ждать без малого 10 лет. Но носило оно, разумеется, не только символический, но и политический характер.

Вообще говоря, идея посещения Думы императором витала при дворе уже поздней осенью 1915 г. Это отмечал давший наиболее полную сводку связанных с предысторией 9 февраля сведений Е.Д.Черменский (1976: 145). Приехать в Думу на открытие ее новой сессии, чтобы упрочить позиции премьер-министра И.Л.Горемыкина, ненавистного собравшему под свои знамена большинство депутатов Прогрессивному блоку, предлагала супругу императрица Александра Федоровна еще в ноябре 1915 г.: «Конечно, если бы ты мог появиться и сказать несколько слов, совершенно неожиданно, в Думе (как ты это полагал), то это могло бы все переменить и было бы блестящим выходом из положения» (Александра Федоровна 1996: 294).

Здесь отметим как существенное то обстоятельство, что, судя по этой фразе, возможность прибегнуть к столь исключительному средству, чтобы найти, наконец, способ сосуществования исполнительной власти с законодательной, к тому времени уже обсуждалась императорской четой.

Согласно показаниям бывшего министра внутренних дел А.Н.Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, за 2–3 месяца до 9 февраля и Г.Е.Распутин делился своими планами на этот счет с охранявшими его сыщиками: «Я его (т.е. императора. – Б.В.) пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать» (Падение 1924: 35).

По-видимому, эти откровения Распутина говорят лишь о том, что и он уже тогда был с этой идеей знаком и, по-

своему обыкновению, пытался приписать ее себе.*

Уже постфактум свою причастность к 9 февраля пытались обосновать и другие. Как известно, даже английский посол Дж.Бьюкенен (1991: 166–167) склонен был усматривать в нем косвенный результат своей попытки на аудиенции у императора побудить его вступить на либеральный путь. С другой стороны, по словам того же Хвостова, «несколько либеральных членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы...» (Падение 1924: 35).

Судить о степени влияния на принятое императором решение посетить Думу названных выше претендентов на лавры «отцов» события 9 февраля 1916 г. мы не можем за отсутствием пока достоверных свидетельств такового. В отличие от них председатель Государственной думы М.В.Родзянко и его ближайшее окружение действительно имели самое прямое и непосредственное отношение к организации императорского приезда в Таврический дворец в этот день. На их роли во всей этой истории мы и остановимся.

В своих воспоминаниях «Крушение империи» Родзянко подробно рассказывает об этом столь знаменательном для российского парламента событии. Согласно Родзянко, идея «убедить государя посетить Думу» принадлежала именно ему: она возникла у председателя нижней палаты после получения в столице 4 февраля 1916 г. известия о взятии русской армией Эрзерума. Для ее осуществления Родзянко «первым делом» обратился к сменившему Горемыкина на посту председателя Совета министров Б.В.Штюрмеру, дабы «заручиться обещанием не мешать и не отговаривать царя».

* Секретарь Распутина А.С.Симанович даже рассказывал в той же Чрезвычайной следственной комиссии, что накануне февральской сессии Думы Распутиным, новым премьер-министром Б.В.Штюрмером и митрополитом петроградским Питиримом «было составлено и послано письмо царю с просьбой своим присутствием на открытии сессии Государственной думы показать свое сближение с народом» (Черменский 1976: 145).

В позднейших «Воспоминаниях» Симановича этот и без того малоправдоподобный рассказ оброс массой совершенно уже фантастических подробностей вроде предполагавшегося якобы, по настоянию троицы авторов письма, объявления императором в Думе «о своем решении ввести конституционную форму правления и уравнивать в правах инородцев...» и т.п. (Симанович 1924: 105).

Однако, как рассказывает Родзянко далее, «бюрократ в душе, Штюмер испугался возможности подобного шага, но все-таки обещал не вмешиваться, особенно после того, как я (т.е. Родзянко. – *Б.В.*) ему объяснил всю выгрышную сторону этого для него лично: в обществе могли предположить, что это он, новый премьер, внушил такую благовую мысль государю». Лишь после этого, по словам Родзянко, он обратился к услугам легендарного уже в то время персонажа российской государственной жизни А.А.Клопова – чиновника, имевшего уникальное (и давнее – с 1898 г.) в самодержавной России право писать лично императору: «[...] я решил, – вспоминает Родзянко, – прибегнуть к помощи некоего Клопова, старого идеалиста, патриота, которого царь давно знал и любил и допускал к себе. Клопов этот бывал и у меня. Он согласился и написал царю письмо, изложив доводы касательно посещения Думы» (Родзянко 1993: 117; Клопов 1991; Лукоянов 1996; Малеванов, Травин 1998: 61–64).

Впрочем, в другой своей книге – «Государственная дума и февральская 1917 г. революция» – Родзянко, говоря о царском приезде в Думу, утверждал: «Посещение это состоялось внезапно, без предупреждения, так что даже председатель Думы узнал о нем за час до открытия заседания. Следовательно, ничего не могло быть подготовленного или искусственного» (Родзянко 1991: 38).

Не вдаваясь пока в исследование причин столь удивительных расхождений в рассказах об одном и том же событии в этих двух принадлежащих одному и тому же автору сочинениях, как и в размышлениях о степени достоверности мемуаров Родзянко вообще, обратимся к свидетельству по этому поводу лица, весьма осведомленного во всем, что происходило в то время в кулуарах Таврического дворца. Принадлежит оно Якову Васильевичу Глинке, тогда действительному статскому советнику, начальнику ведущего подразделения думской канцелярии – Отдела общего собрания и общих дел.

Здесь уместно сказать несколько слов об этом незаурядном человеке. Юрист высокой квалификации, имевший уже за плечами значительный опыт работы над имперским законодательством в Государственной канцелярии, Глинка был

командирован для организации делопроизводства Государственной думы еще 16 апреля 1906 г. за 11 дней до ее открытия. Здесь, в Таврическом дворце, он провел все одиннадцать лет деятельности российской народной представительства, фактически уже со времени Думы второго созыва возглавляя его рабочий аппарат – думскую канцелярию. В повседневной парламентской жизни Глинка играл огромную роль, являясь уже по своей должности ближайшим сотрудником председателей Думы. Достаточно сказать, что в зале заседаний он с 1907 г. занимает особое место в президиуме – слева и чуть сзади от председательского кресла. Знаток парламентских традиций, относящегося к компетенции Думы законодательства и возникавших в ходе деятельности палаты юридических прецедентов, он был здесь незаменим, помогая председательствующим разрешать возникавшие по ходу заседаний правовые и процедурные вопросы. Особо доверительные отношения сложились у Глинки с последним председателем Думы, М.В.Родзянко, частенько дававшим ему весьма ответственные поручения, выходявшие далеко за рамки служебных обязанностей.

В 1910–1917 гг. Глинка вел дневник, куда заносил подробности важнейших событий, происходивших в парламенте, в том числе и в узком кругу его руководства. Этот дневник и краткие воспоминания Глинки сохранены в семейном архиве его наследниками и в настоящее время подготовлены нами к изданию (Витенберг 1998: 171–195). Хотя дневниковые записи велись автором из-за служебной занятости крайне нерегулярно и зачастую делались задним числом, они представляют исключительный интерес. К ним мы и обратимся.

В пространной записи, сделанной в дневнике после столь памятного события – возможно, через несколько недель или даже месяцев, Глинка рассказывает и о предыстории исторического посещения императором Думы. В его изложении она выглядит так: «[...] беседа с одним очень почтенным старичком (имеется в виду и далее называется по имени, конечно же, Клопов, которому действительно уже было в то время без малого 75 лет. – Б.В.), горячо любящим Родину, безвозмездно работающим без усталости на общественной ниве и получившим право переписываться с Государем в качестве совершенно частного»

лица, нам пришла мысль, что как было бы хорошо, если бы царь приехал в Думу, как подняло бы это настроение, хотя мы не скрывали от себя, что этот акт был бы несколько запоздалым и что эффект был бы несравненно больший, если бы приезд Его в Думу был в первый день открытия Г[осударственной] Думы после объявления войны. Тем не менее я поделился этой мыслью с Родзянко, сказав ему, что это возможно устроить, но не иначе, как путем частным, чтобы эту мысль как сторонний обыватель подал ему (т.е. императору. – *Б.В.*) Клопов, с которым я совещался. Ибо чрез правительство это, конечно, успеха не имело бы, а от Думы председателю делать [это было бы] неудобно, так как на этот вопрос могут быть разные взгляды фракций».*

Как сообщает далее Глинка, «Родзянко ухватился за эту мысль, оставалось до открытия Г[осударственной] Думы 4 дня, и в тот же вечер, когда я ему об этом сказал (около 12 ч.ночи), он просил меня свезти его к Клопову. Там мы все вместе сочинили письмо от имени Клопова и составили примерно речь, которую, как писал Клопов, “я бы сказал на месте Вашего Величества”».

Копия этого письма, призывающего императора приехать в Думу на открытие ее февральской сессии, датированная 1 февраля и снабженная Клоповым, подобно другим сохранившимся им в своем архиве копиям отправленных Николаю II писем, особым порядковым номером (№ 23), равно как и копия прилагавшегося к нему проекта императорской речи, находится в личном фонде тайного корреспондента царя в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.1–3 об., 56), давно известна исследователям и многократно ими цитировалась.

Письмо это завершалось рекомендацией царю предварительно встретиться с главой народного представительства: «Для проверки правильности моего взгляда и чтобы осведомиться о действительном настроении депутатов, мне кажется, хорошо бы Вам предварительно вызвать Родзянку».

Последнему, – как мы теперь знаем, одному из авто-

* Здесь и далее в цитатах из дневника Я.В.Глинки сокращенные, пропущенные и необходимые по смыслу слова восстанавливаются в квадратных скобках.

ров этого фактически коллективного письма – была посвящена следующая прочувствованная тирада, составленная, разумеется, от имени номинального автора послания Клопова: «Я не знаю личных Ваших отношений к нему, я сам мало с ним знаком, но, судя по его поступкам, речам и настроению и тем наблюдениям, которые мне случилось иметь, я вывел бы о нем заключение, как о человеке искреннем, правдивом, глубоко патриотически настроенном и беспрдельно любящем Вас и родину» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.3 об.). Вряд ли Родзянко сам сочинил именно эти слова, скорее это сделали его литературно более одаренные соавторы, но по крайней мере в качестве читателя и одновременно цензора письма он против комплиментарного содержания этой фразы, видимо, возражений не имел. В своих мемуарах же он о собственном участии в сочинении послания, разумеется, скромно умодчал.

Следует заметить, что Е. Д. Черменский, исходивший из того, что «мысль о посещении царем Думы вышла из недр дворцовой камарильи», упомянул в своей книге и о письме Клопова, и о приложенном к нему проекте императорской речи. Однако при этом он не упоминает свидетельства Родзянко о происхождении этого письма; в результате у Черменского (1976: 145) письмо Клопова оказывается результатом личной инициативы его автора, «старинного советчика» царя, а первенствующая роль «дворцовой камарильи» в организации всей этой акции сохраняется.

Из записей Глинки становится известным и то, каким образом составленные на квартире у Клопова, на Ставропольской ул., д.1 (этот свой адрес тайный корреспондент царя всякий раз ненавязчиво напоминает в конце своих писем), послание и проект речи попали к Николаю II: как сообщается в дневнике, письмо «было тотчас отправлено в Ставку чрез Греческую королеву».*

Теперь остановимся на датировке этого письма. Дело в том, что письмо в архиве Клопова датировано 1 февраля, что расходится с рассказом Глинки. Как мы помним, последний называет день своего с председателем Думы ночного визита к

* Речь идет о королеве эллинов Ольге Константиновне (1851–1926), находившейся в это время в России.

Клопову очень точно – за 4 дня до открытия сессии, а стало быть, это должно было происходить 5 февраля. Но как раз именно 5 февраля, буквально вдогонку предыдущему письму, императору было отослано еще одно послание Клопова, в его архиве в числе предназначавшихся Николаю II писем числящиеся за № 24 (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.4-5). Появившееся, как отмечалось в его начале, «под влиянием великой радости взятия Эрзерума», оно было призвано укрепить императора в уже подсказанном ему предыдущим посланием намерении. «Не упускайте случая. Ваше Величество, – говорилось в этом новом письме монарху его тайного корреспондента. – Взятие Эрзерума, более планомерный ход всей войны за последнее время подняли наш дух, а ожидаемое всей Россией открытие Государственной Думы внушает еще большую уверенность в нашей победе и дает надежду на лучшие дни». Далее в послании подчеркивалась необходимость демонстративного внимания монарха к Думе: «Скажите министрам и Государственному Совету, чтобы они отнеслись к Думе доброжелательно и с доверием, а Вы сами протяните ей руку, простив ей многие ошибки и прегрешения. Вель это учреждение еще молодое и условия работы его очень тяжелые. Внесите же, Ваше Величество, мир, согласие и гармонию в дело нашего государственного управления» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.4 об.-5).

Сохранившиеся в архиве Клопова документы, как нам представляется, позволяют прийти к заключению, что рассказ Глинки относится как раз к первому из двух рассматриваемых нами писем – посланию от 1 февраля. Прежде всего, сам Клопов подчеркивает вторичный, вспомогательный характер письма от 5 февраля («[...] у меня явилась смелость, – пишет он императору, – еще раз написать Вам письмо» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.4)), дополняет и развивает аргументацию первого. Прямо о визите монарха в Думу здесь уже ничего не говорится – все необходимое на этот счет уже было сказано в предыдущем письме. Кроме того, мы помним, что Глинка дает прямое указание, какое именно письмо имеется в виду – то, сочинив которое, Клопов и его соавторы из Думы тут же «составили примерно речь» для императора. А именно к первому из двух этих писем такой проект и был приложен: «Беру на себя сме-

лость приложить к этому (письму. – *Б.В.*) схему краткой речи» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.3 об.), – пишет Клопов 1 февраля императору, к которому обращается, разумеется, отнюдь не в той совершенно невозможной для него, верноподданного отставного титулярного советника, форме, которую приписывает ему Глинка (хотя по существу запись в его дневнике не грешит против истины – именно то, что хотели бы услышать из уст императора соавторы, они и написали в своем проекте речи). Сама же «схема краткой речи» известна нам, как уже отмечалось, по ее копии, оставшейся в бумагах Клопова. Хотя дата на этом документе и отсутствует, однако из его текста, в котором взятие Эрзерума не упоминается, следует, что он во всяком случае был составлен ранее 5 февраля и, следовательно, был подготовлен как приложение именно к предыдущему письму от 1 февраля.

А вот то обстоятельство, что и Глинка свой с Родзянко визит к Клопову относит к 5 февраля, и сам председатель Думы сообщает, что вся эта якобы им затеянная интрига с участием Клопова началась как раз после того, как стало известно о взятии Эрзерума, косвенно указывает, как нам кажется, на то, что к составлению и этого второго письма тайного корреспондента оба его соавтора из Таврического дворца также были причастны.

Вернемся теперь к происхождению идеи приезда императора на открытие думской сессии. В своем рассказе Глинка вовсе не претендует на лавры ее единоличного автора – напомним его слова: «Нам (т.е. Клопову и Глинке. – *Б.В.*) пришла мысль...». Родзянко же в «Крушении империи» подает эту идею как свою собственную. Ее автором последний председатель Государственной думы императорской России и остался в глазах потомков вплоть до наших дней: в «Красном колесе» А.И.Солженицына, подробнейшем историко-философском исследовании истоков и хода российской революции 1917 г., по этому поводу читаем: «[...] самый представительный толстяк России, Родзянко, имел успех: уговорил Государя на необычный шаг – посетить Думу при ее открытии, вообще первый раз в жизни посетить ее» (Солженицын 1993: 325–326). Похоже на то, что Родзянко, с тем чтобы утвердиться в

своем сомнительном «авторском праве», вполне сознательно изменил в мемуарах последовательность происходивших событий. На наш взгляд, в «Крушении империи» мемуарист, сам того не желая, явным образом проговорился об этом. Действительно, для инициатора такого деликатного предприятия, как царский визит, куда более логичным было бы сначала довести идею посещения Думы до сведения императора, а лишь затем обращаться к премьеру с просьбой «не мешать и не отговаривать Царя». Так оно, скорее всего, и было: председатель Думы сначала «ухватился» за предложение Клопова и Глинки и принял участие в составлении «клоповского» послания императору, а затем последовала его встреча со Штюрмером, достигшая своей цели, – как помним, премьер обещал «не вмешиваться»...

Однако не только Родзянко «ухватился» за чужую идею. И самому Клопову замысел организовать царский визит в Думу, скорее всего, был кем-то подсказан: в заключение своего письма императору 1 февраля он совершенно определенно указывает на это: «Скажу еще, Государь, и то, что Ваш приезд в Думу есть не только моя личная мечта, нет, желательность этого шага чувствуется всеми, висит в воздухе». Отметив это знаменательное выражение Клопова – «висит в воздухе», продолжим прерванную цитату: «Скажу прямо, я слышал это от многих лучших представителей самой Государственной Думы и от опытных государственных людей» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.3 об.).

Кого имел в виду Клопов, упоминая о «лучших представителях» Думы, мы теперь знаем. Отметив при этом, что принадлежавший к их числу Глинка, несмотря на то что живейшее обсуждение с Клоповым выигрышных для народного представительства последствий приезда царя и путей осуществления такового превращало его в своих собственных глазах в одного из инициаторов всего этого предприятия, наряду с самим Клоповым, на деле был использован «почтенным старичком» в качестве посредника для включения во всю эту сложную игру его патрона – председателя Думы. А вот о каких именно «опытных государственных людях» – возможно, и бывших настоящими инициаторами события 9 февраля –

идет здесь речь, установить затруднительно: круг возможных претендентов оказывается слишком широк. Бесспорно лишь то, что в бюрократическом и придворном мире наиболее заинтересованной в появлении царя в Таврическом дворце в день открытия февральской сессии Думы персоной был новый премьер-министр.

Уже чуть ли не в самый день назначения Штюмерера, состоявшегося 20 января, в Петрограде циркулировали настойчивые (и вполне обоснованные) слухи о прямой причастности к этому назначению не только императрицы, но и Распутина с Питиримом (Дякин 1967: 163; Аврех 1989: 123–129). Кроме того, еще со времен ревизии Штюмерером в 1903 г. тверского земства, приведшей к его формальному разгрому, он оставался в глазах либеральной общественности едва ли не самым ненавистным в ряду сановников «царского режима» (Петрункевич 1993: 272–274, 341).*

Сама его фамилия, указывавшая на немецкое происхождение, даже у императрицы вызывавшая перед назначением некоторое сомнение (Александра Федоровна 1996: 335), в обстановке «патриотической» антигерманской истерии могла восприниматься многими думскими фракциями как вызов. Поэтому благоприятную почву для дебюта Штюмерера в Таврическом дворце власти готовили заранее. Почти сразу же после того, как Штюмерер занял кресло премьера, состоялись переговоры министра внутренних дел А.Н.Хвостова и кн. В.М.Волконского (в недавнем прошлом товарища председателя Думы, с июля 1915 г. занявшего пост товарища министра внутренних дел) с главным идеологом Прогрессивного блока П.Н.Милюковым. Министра прежде всего волновало, «воздержится ли он (т.е. Милюков. – Б.В.) от нападок на Распутина». Милюков ответил, что считает эту проблему второстепенной, но поручиться за всех депутатов он все же не в состоянии (Падение 1926: 322–323; Милюков 1990: 193–194; Аврех 1985: 78–80).

* В ходе начавшейся 9 февраля сессии социал-демократ Н.С.Чхеидзе, чуждый очевидного политиканства деятелей Прогрессивного блока, готовых в тот момент забыть старые грехи Штюмерера, не преминул напомнить с думской трибуны о том, что дебютировавший в Думе премьер «первое боевое крещение [...] получил еще при штурме тверского земства (смех слева)» (Государственная дума 1916).

В связи с этим не последнее значение приобретало отношение к новому премьеру Родзянко. Поначалу председатель Думы, лишь услышав в начале января 1916 г. о предстоящем занятии Штюрмером поста премьера от одного из главных виновников этого события митрополита Питирима, реагировал крайне раздраженно (Родзянко 1993: 115–116; Падение 1927: 134). Однако, когда это назначение все же состоялось, настроение Родзянко быстро и кардинально переменилось – не в последнюю очередь потому, что свое премьерство Штюрмер начал с личного визита председателю Думы (Родзянко 1993: 117; Дякин 1967: 164). По свидетельству Глинки, при этом глава кабинета спросил своего собеседника, «[...] чего он и Дума желает, и сказал, что он всячески будет стремиться работать вместе и идти навстречу [их] желаниям», после чего Родзянко «примирился с ним и, кривясь лишь из-за его немецкой фамилии,* находил, что с ним возможно будет уладить дело».

Тем не менее уверенности в благополучном для Штюрмера начале сессии у императора не было. Именно это и оказалось в конечном счете главной причиной возвращения Николая II к идее, муссировавшейся при дворе еще поздней осенью 1915 г. (Черменский 1976: 145; Аврех 1985: 82).**

«Клоповское» же письмо от 1 февраля стало для императора веским и своевременным аргументом в пользу того, чтобы ее использовать именно теперь.

Есть и веское доказательство того, что это послание действительно сыграло такую роль. Обыкновенно Клопов не получал на свои письма никакого ответа и о результатах своего очередного обращения к царю мог только догадываться. В случае же с посланием 1 февраля никаких сомнений в его действительнос-

* Отметим это любопытное совпадение терминологии Родзянко (или его ближайшего сотрудника Глинки) и императрицы, знаменитые слова которой «стоит рискнуть немецкой фамилией» (в оригинале написанные, как и вся переписка императорской четы, по-английски) в связи с предстоящим назначением Штюрмера премьером в ее письме Николаю II от 4 января 1916 г., непременно приводятся в посвященных событиям политической истории России 1916 г. работах.

** При этом авторство идеи посещения императором Думы А.Я.Аврех вслед за Е.Д.Черменским также всецело приписывает «распутинскому окружению» и полагает даже, что она «была подсказана царю именно Распутиным»; причастность же думских кругов к ее осуществлению вообще оказалась вне его поля зрения.

ти у авторов быть не могло: в основу речи, произнесенной императором перед депутатами 9 февраля, был положен как раз отосланный царю Клоповым проект речи в Думе (Черменский 1976: 145; Лукоянов 1996: 80). Именно поэтому впоследствии и сам тайный корреспондент императора к оставшейся в его бумагах копии этого проекта подклеил газетную вырезку с официальным текстом произнесенной Николаем II 9 февраля речи (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.56). По-видимому, в тот момент он испытывал чувство торжества маленького человека (позже, испрашивая у царя 19 января 1917 г. приема, Клопов сам себя так назвал: «[...] мой визит на этот раз, – писал он, – несмотря на то, что я человек маленький, может принести пользу Родине и Вам [...]» (Клопов 1991: 209)), получившего в свои руки бесспорное свидетельство личной причастности к событию исторического значения.

Кроме того, и взятие Эрзерума действительно, как отмечалось в клоповском послании царю от 5 февраля, создавало весьма благоприятный фон для появления императора в Думе. Выигрышность для престижа верховной власти складывавшейся в результате кавказской победы ситуации была очевидна Николаю II и без советов Клопова. Не случайно и в клоповский проект императорской речи было внесено соответствующее изменение: когда это было сделано – еще в Ставке или уже в Царском Селе – можно лишь догадываться.

Главной и по большому счету единственной целью поездки императора и Верховного главнокомандующего из Ставки в Петроград, в которую он отправился 6 февраля (возможно, не успев даже получить клоповское письмо от 5 февраля), и стало посещение Государственной думы в день открытия новой сессии. За короткое время этого пребывания Николая II в столице и Царском Селе, чуть не каждая минута которого зафиксирована записями в дневнике императора и придворном камер-фурьерском журнале, мы не найдем других сколько-нибудь значительных событий, кроме одного: вечером того же 9 февраля император побывал и в Мариинском дворце на открытии новой сессии Государственного совета (что было совершенно необходимо для поддержки престижа верхней законодательной палаты знаком монаршего внимания). Уже в 6 часов

вечера 10 февраля, да еще и с опозданием на 3 часа из-за произошедшей на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге аварии, Николай II отправился из Царского Села в долгий путь и возвратился в Могилев в 4 час. дня 11 февраля (Николай II 1991: 572; РГИА. Ф.516. Оп.1 (1 доп). Д.17. Л.4 об.-9 об.).

Мы оставляем за рамками данной статьи внешнюю сторону событий, происходивших в Таврическом дворце в ходе царского визита 9 февраля 1916 г., в общем хорошо известную по репортажам в прессе, мемуарам современников.*

Отметим лишь, что этот день в Думе проходил, можно сказать, под знаком только что одержанной на Кавказе победы, вполне оправдав в этом смысле ожидания Клопова: в Екатерининском зале в присутствии императора был отслужен благодарственный молебсн по случаю взятия Эрзерума, а затем с упоминания об этом успехе русского оружия начал и Николай II свою приветственную речь, обращенную к членам Думы.

Но была и другая, скрытая от глаз не только журналистов и публики (которой, как вспоминает Родзянко, в этот день было в Таврическом дворце особенно много), но и подавляющего большинства депутатов, закулисная сторона связанных с царским посещением событий. Как раз о ней Глинка сообщает ряд новых интереснейших подробностей: «...к нашему большому удивлению, накануне [открытия сессии] в 12 ч. ночи нам сообщили, что государь придет в Думу. На этот раз, оказывается, он ни с кем не советовался из придв[орных] или м[инистр]ов и решил последовать совету Клопова. Для всех это было неожиданно. Родзянко это врасплох не застало, т[ак] к[ак] он все же на всякий случай приготовил ответ на слова, которые должен был произнести государь. Предварительно по уговору со мною был установлен порядок, но все разыгралось так хорошо, что решительно никто не предполагал, что это было известно заранее. Мы не рассчитывали на этот

* Самое полное и точное официальное описание посещения Николаем II Государственной думы содержит запись придворного камер-фурьерского журнала 9 февраля 1916 г. (См.: РГИА. Ф.516. Оп.1 (1 доп). Д.17. Л.5-7). В литературе это событие наиболее подробно рассматривается в новейшей работе А.Ф.Смирнова (1998: 523-541), но, к сожалению, при этом в соответствии с избранным автором жанром используются лишь опубликованные источники, главным образом мемуары Родзянко и Милюкова.

шаг царя и потому, когда обсуждали церемониал, исходили из самых скромных возможностей, а потому Родзянко растерялся, когда государь спросил его после молебствования в Думе, где он хочет, чтобы он произносил свою речь. – в Екатерининском зале или в зале Общего собрания. К сожалению, растерявшись и испугавшись, Родзянко указал, что лучше в Екатерининском зале».

Надо заметить, что рассказ Глинки расходится с некоторыми деталями, приводимыми в воспоминаниях его патрона. Родзянко сообщает, что на послание в Ставку Клопов получил императорский ответ (что уже само по себе было в отношении царя и его корреспондента событием опять-таки исключительным) «следующего содержания: "Господи благослови. Николай"» (Родзянко 1993: 117).

Это свидетельство председателя Думы имеет прелюбопытнейший подтекст: дело в том, что клоповское послание от 1 февраля начиналось, не в пример прочим письмам тайного корреспондента царю, с такого же необычного молитвенного зачина «Господи благослови» и лишь затем следовало традиционное обращение «Ваше Императорское Величество» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.1). Полученный от царя ответ был, таким образом, своего рода «паролем», знаком согласия на предложение Клопова посетить Думу; понятно же это должно было быть только самому адресату. Не случайно этот лаконичный ответ оказался столь памятным для Родзянко: как один из составителей письма, вызвавшего этот столь неординарный отклик из Ставки, председатель Думы прекрасно понимал его истинный смысл. Глинка же на этот раз в число посвященных, видимо, не попал.

Не совпадают и их свидетельства о времени, когда Таврический дворец был уведомлен о предстоящем прибытии императора. Глинка совершенно определенно говорит о сообщении, полученном в ночь на 9 февраля. Согласно же Родзянко, это произошло лишь «за полчаса до открытия Думы», причем благовест о том, «что государь прямо из Ставки будет в Думе», привез в Таврический дворец не кто иной, как новый премьер-министр Штюрмер (Родзянко 1993: 117). На самом деле император возвратился в Царское Село накануне – в 11 час. 30 мин. 8 февраля; в 6 час. вечера того же дня он принял Штюрмера (Николай II 1991: 572; РГИА. Ф.516. Оп.1 (1 доп). Д.17. Л.4–4 об.). Был ли

премьер-министр до этого приема уведомлен о намерении царя отправиться в Таврический дворец или узнал о последнем только теперь от самого царя, остается неизвестным. Во всяком случае мы знаем, что утром 9 февраля Штюмер известил по телефону военного министра А.А.Поливанова о том, что император прибудет в Думу в 2 часа. «На мое удивление по поводу этого совершенно неожиданного известия, — замечает Поливанов далее в своем дневнике, — Б.В.Штюмер ответил, что оно явилось полной неожиданностью и для него» (Поливанов 1994: 138).

Трудно сказать, насколько был искренен премьер в этом диалоге с военным министром, но вот для Родзянко, судя по рассказу Глинки, сообщение прибывшего в Думу Штюмера о предстоящем приезде императора на самом деле совсем не было новостью. А настойчивые уверения в обеих книгах его воспоминаний, что он, Родзянко, узнал об этом «за полчаса» до появления императорского кортежа у подъезда Таврического дворца, как нам представляется, скорее всего, дань легенде, усердно распространявшейся самим председателем Думы, даже в день 9 февраля предпочитавшим до последнего момента сохранять предстоящее событие в тайне от коллег-депутатов. Исключение не было сделано и для такого его ближайшего соратника по фракции октябристов, как Н.В.Савич. При этом Савич, не сумевший, видимо, за долгие годы совместной парламентской работы по достоинству оценить незаурядные способности Родзянко к лицедейству, принял за чистую монету его заверения в том, что он, председатель Думы, «...сам ничего не понимал, не знал, почему Государь решил посетить Думу, которую столь долгое время явно игнорировал, отклонял всякую возможность сближения с нею» (Савич 1993: 161).

В своем дневнике Глинка останавливается и на впечатлении, произведенном появлением царя в стенах Государственной думы на ее председателя. Надо сказать, что за те без малого 5 лет, которые к тому времени Родзянко возглавлял нижнюю палату российского парламента, их отношения знали и лучшие времена. Исследование этих отношений не входит здесь в нашу задачу. Отметим лишь, что уже с 1912 г., когда председатель Думы по прямому указанию императора подготовил особый доклад, касавшийся крайне болезненного для Николая II

вопроса о принадлежности Распутина к секте хлыстов, они были основательно испорчены (Родзянко 1993: 42–54; Ковцов 1992: 29–30, 42–45; Распутин 1996: 131–147). С тех пор каждая новая встреча с императором становилась для Родзянко серьезным испытанием. «Свидания Родзянко с царем всегда производили на Родзянку впечатляющее действие, – замечает Глинка. – При виде царя он забывал всю свою ярость на правительство и свое собственное оппозиционное настроение. Приезд царя в Думу окончательно по[мирил] его... ».

Тут надо сказать, что сам Глинка придерживался в это время значительно более радикальных взглядов, чем Родзянко, был убежденным сторонником ответственного министерства и постоянно (но всякий раз безуспешно) пытался убедить в его необходимости своего патрона, которого как политика он – пожалуй, далеко не всегда заслуженно – ставил весьма невысоко и ко многим поступкам которого относился сверхкритически (что, кстати говоря, не укрывалось от глаз самого Родзянко). Видимо, некоторая предубежденность Глинки сказалась и на оценке им поведения своего председателя по отношению к императору в памятный день 9 февраля, поскольку есть об этом свидетельство другого очевидца происходивших в этот день в Таврическом дворце событий, содержащее наблюдение иного свойства. Оно принадлежит другому думскому чиновнику – В.Н.Садыкову. Его краткие воспоминания о Родзянко, озаглавленные «Последний председатель Государственной Думы», И.В.Гессен поместил в качестве своеобразного предисловия-дополнения к публикациям в вышедшем в свет в 1926 г. 17-м томе «Архива русской революции» («Крушение империи»).

Скажем несколько слов об этом сослуживце и прямом подчиненном Глинки. Владимиру Николаевичу Садыкову в то время было 33 года. Получив юридическое образование в Новороссийском университете, он служил в столичных учреждениях судебного ведомства, а в 1913 г. был переведен в Канцелярию Думы – очевидно, не без помощи своего старшего брата Александра, уже служившего там с 1908 г. В Канцелярии Садыков занимал скромную должность помощника делопроизводителя. После начала войны Садыков с разрешения начальства уехал на фронт санитаром, служив в III санитарном отряде Государствен-

ной думы. Как и другие его сослуживцы, добровольно отправившиеся после начала войны в учреждения Красного Креста, санитарные отряды, учреждения Земского и Городского союзов. Садыков отзывался с фронта на время думских сессий (РГИА. Ф.1278. Оп.9. Д.1197. Л.5–10, 17–20; Д.1196. Л.9–12). На этот раз он вернулся в Думу 22 января 1916 г., как раз к открытию февральской сессии, и получил поручение исполнять обязанности секретаря Родзянко (РГИА. Ф.1278. Оп.9. Д.1196. Л.40, 50).

Садыков был человеком наблюдательным и в своих воспоминаниях (написанных в эмиграции, в Белграде, и датированных 1924 г.) приводит, в отличие от Глинки, весьма колоритные подробности происходившего 9 февраля в Таврическом дворце: «Ждали Государя в Думу. Взволнованный пристав Г.Думы* доложил Михаилу Владимировичу, что в Золотой книге все первые страницы были уже заполнены, и предлагал вплести для подписи императора на первом месте чистый лист. “Никаких фокусов и подлогов не надо, – ответил Михаил Владимирович, – Государь распишется на первом свободном листе”. Он приказал только купить георгиевскую ленту и ею заложить книгу там, где нужно. Когда Государь после сказанного им членам Думы слова прошел в так называемый Полуциркульный зал, Михаил Владимирович подвел его к Золотой книге и попросил расписаться. Государь открыл первый лист, затем второй, третий. Видя это, Михаил Владимирович обратился к нему и сказал: “Опоздали. Ваше Величество, теперь уже придется расписаться там, где заложено”. Государь улыбнулся и расписался на указанном ему месте» (Садыков 1993: 13).

Воспроизведенная Садыковым сцена у Золотой книги – книги записей почетных посетителей Думы – может показаться слишком театральной, да к тому же и противоречащей требованиям придворного этикета, а потому вызывает сомнения в ее достоверности.

Но последнему председателю Думы, как свидетельствуют современники, вообще была свойственна некоторая

* Имеется в виду барон Э.Н.Ферзен, занимавший пост думского пристава в 1912–1917 гг.

напыщенность поведения, сочетавшаяся с показной грубоватостью манер. Последнюю он умел вовремя уравновесить комплиментом или неожиданно изысканным жестом, как это было и 9 февраля: георгиевская лента-закладка в Золотой книге должна была, как отметил Садыков в особом примечании, напомнить императору полученную совсем недавно (25 октября 1915 г.) и высоко им ценимую награду – Георгиевский крест.

А кроме того, есть еще один аргумент в пользу достоверности рассказа Садыкова – сама Золотая книга, благополучно сохранившаяся до наших дней в фонде Государственной думы в РГИА.* Это изготовленная по специальному заказу книга, переплетенная в кожу зеленого цвета, с надписью на переплете золотым тиснением «Государственная Дума», с листами с золотым обрезом со всех трех сторон. На одном из ее листов можно найти и сделанные в этот день, 9 февраля 1916 г., Николаем II и сопровождавшим его вел.кн. Михаилом Александровичем простые подписи – «Николай» и, чуть ниже, «Михаил» (РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.332. Л.18).

Открывает же Золотую книгу лист с записями румынской королевы Марии и ее матери Марии Александровны Саксен-Кобург-Готской, сестры императора Александра III, посетивших Таврический дворец 11 апреля 1914 г. (РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.332. Л.1), судя по всему, вплетенный в книгу специально к визиту этих августейших особ, ибо на следующих ее листах находятся записи, сделанные ранее. Первым из членов российской императорской фамилии посетил Думу в ее первую годовщину, 27 апреля 1907 г., вел.кн. Николай Михайлович. Повторное посещение им Таврического дворца состоялось 16 февраля 1911 г. (РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.332. Л.2). Вслед за вел.кн. Николаем Михайловичем раньше Николая II в числе почетных посетителей Государствен-

* Книга записи почетных гостей (русских и иностранных), присутствующих на заседаниях Государственной думы (РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.332). Снабженная в архивной описи столь пространным заголовком Золотая книга Государственной думы почти семь десятилетий не привлекала внимания исследователей. Впервые она была востребована нами в 1995 г. для съемок заказанного ЮНЕСКО документального фильма, увидевшего впоследствии свет под названием «Архив Российской империи». В апреле 1996 г. Золотая книга в первый раз демонстрировалась широкой публике на открытой к 90-летию I Государственной думы выставке в РГИА.

ной думы побывали и другие члены императорского дома: вел.кн. Михаил Михайлович – 7 декабря 1910 г., вел.кн. Александр Михайлович – 16 марта 1911 г. (РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.332. Л.10).

Как видим, пристав Думы предложил ее председателю прибегнуть не к «фокусам и подлогам», а к уже использованному в подобной ситуации приему. Запрет Родзянко обратиться к нему вторично, на этот раз для императора всероссийского, сам по себе достаточно бестактный, красноречиво характеризует уровень оппозиционности настроений председателя Думы, по крайней мере в этот момент, накануне приезда царя. Ведь оставший Золотую книгу Николай II не мог не увидеть даты записей на ее первых листах!

С другой стороны, оказывается, что даже второстепенная, чисто техническая деталь рассказа Садыкова подтверждается документально. Это позволяет полагать, что и другие приводимые в его воспоминаниях подробности достоверны и что сакраментальная фраза «Опоздали, Ваше Величество...» действительно была председателем Думы сказана своему императору.

Есть в рассказе Садыкова и второй весьма интригующий момент, связанный с произнесенной императором в Думе в этот день речью. Секретарь председателя Думы сообщает, что текст этой «коротенькой речи», тут же, в зале, записанной думскими стенографистками. Родзянко «распорядился золотыми буквами вырезать на мраморной доске, которую предполагалось поместить в Екатерининском зале, где эта речь была произнесена». Однако официальный вариант текста этой речи, присланный вечером 9 февраля министром Двора, побудил Родзянко отказать от этого замысла, заявив при этом: «Вывешивать то, чего никогда не говорил Государь, я никому не позволю» (Садыков 1993: 13–14).

Трудно сказать, были ли расхождения между действительно произнесенным императором и официальными текстами речи, а если были, то какие именно из них вызвали неудовольствие Родзянко. Как мы помним, в составлении «клоповского» проекта, который лег в основу этой речи, председатель Думы лично принимал участие. Может быть, Родзянко раздосадовало двукратное повторение в официальном тексте формулировки об ответственности Думы перед монархом: если в «кло-

повском» проекте лишь один раз упоминались «ответственные передо мною (т.е. императором. – *Б.В.*) и родиною труда» Думы (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.56), то в опубликованном тексте этот тезис прозвучал дважды – упомянуты были «ответственная перед родиною и Мною» работа депутатов и исполнение «долга перед родиною и Мною».* Такое повторение, разумеется, не было случайностью.

Так или иначе, наблюдения Садыкова и Глинки, с необходимыми поправками на пристрастия их авторов, удачно дополняют друг друга, воссоздавая психологически сложные взаимоотношения императора и председателя Государственной думы в этот день, столь необычный для них обоих, так и оставшийся единственным в своем роде в истории российского парламента.

Остановимся теперь на, пожалуй, центральном для рассказа Родзянко в «Крушении империи» о событиях этого дня эпизоде. Согласно председателю Думы, сопровождадая царя при обходе помешений парламента, он (как раз после того, как Николай II расписался в Золотой книге), оставшись с царем «вдали от всех», обратился к нему с настояниями воспользоваться «этим светлым моментом» и «здесь же», в Таврическом дворце, объявить о «даровании» ответственного министерства. В ответ на его красноречивый монолог по этому поводу, как вспоминает Родзянко (1993: 118), «государь помолчал, а затем сказал: “Об этом я подумаю”». Никакими другими сведениями об этом разговоре, кроме рассказа Родзянко, мы не располагаем.

Достоверность этой запечатленной мемуарами Родзянко сцены уже давно подвергается сомнению. Так, историограф правления Николая II С.С.Ольденбург замечает по этому поводу: «такое обращение (Родзянко к императору. – *Б.В.*), по всей обстановке, представлялось просто-напросто неуместным» (Ольденбург 1991: 574). Здесь стоит указать на некоторые особенности воспоминаний Родзянко как исторического

* Текст речи Николая II в Таврическом дворце, воспроизведенный в записи в камер-фурьерском журнале за 9 февраля 1916 г. (РГИА. Ф.516. Оп.1 (1 доп.). Д.17. Л.5 об.-6), идентичен официальным текстам речи, опубликованным в прессе, а также тексту, приобщенному к стенографическому отчету февральской сессии Государственной думы: все они лишь повторяют текст речи, распространенный Министерством двора в качестве официального.

источника. В их основу, как сравнительно недавно стало известно, положены его устные рассказы, которые, начиная со времени его избрания председателем Думы, т.е. с 1911 г., записывала его невестка Е.Ф.Родзянко (бывшая замужем за его старшим сыном Михаилом). Записи эти систематически дополнялись Е.Ф.Родзянко, проживавшей с мужем в родовом имении Отрада в Екатеринославской губернии, сведениями из самых разнообразных источников, включая письма ее свекрови, А.Н.Родзянко, рассказами приезжавших в имение из столицы знакомых и т.д. Впоследствии, уже в эмиграции в Югославии, записи невестки правились самим номинальным автором, который, по словам Е.Ф.Родзянко, «кое-что добавил» к ним (Родзянко 1986: 20).

Отметим, что поскольку воспоминания Родзянко «Государственная Дума и февральская 1917 года революция» впервые были изданы еще в 1919 г. в находившемся тогда в тылу Добровольческой армии Ростове-на-Дону, речь здесь идет о редактировании автором прежде всего второй его книги – «Крушение империи». По всей вероятности, именно тогда делались позднейшие вставки и изменения текста, диктовавшиеся как политической конъюнктурой эмигрантских кругов начала 20-х годов, так и естественным желанием мемуаристов по возможности в более выгодном свете представить свою государственную и парламентскую деятельность. А кроме того, Родзянко мог теперь включить в новую, существенно расширенную и по тематике, и по объему книгу и те сюжеты и подробности политической жизни предреволюционной России, которые он по тем или иным причинам пока неизвестным нам соображениям не считал возможным затронуть раньше. Появился в этой новой книге и подробный рассказ о событиях, связанных с императорским визитом в Думу, включая столь живописные подробности разговора Родзянко с Николаем II об ответственном министерстве, происходившего без свидетелей.

В действительности же, как, в частности, свидетельствуют дневниковые записи Глинки за 1916 г., председатель Думы занимал в это время весьма умеренные политические позиции. Сказалось здесь и разочарование неудачей совсем

недавней попытки объединившейся в Прогрессивный блок оппозиции летом прошлого, 1915 г., добиться от власти создания министерства доверия (в котором Родзянко тогда надеялся занять пост премьера и даже предлагал в это время своему «правителю канцелярии» Глинке в этом случае стать управляющим делами будущего кабинета) (Витенберг 1998: 187–188).

Сказывалась и сложившаяся в стране с осени 1915 г. новая политическая ситуация, когда инициатива безраздельно перешла к власти, а объединенной оппозиции приходилось вести упорную борьбу за возобновление работы Думы и смену превратившегося в главную мишень ее атак премьера Горемыкина (Дякин 1967: 128–162; Дякин 1984: 576–582; Старцев 1977: 175–194).

Самое большее, о чем, на наш взгляд, в феврале 1916 г., когда обе эти цели были только что достигнуты, действительно мог просить Родзянко императора, воспользовавшись столь благоприятным случаем, так это о включении в состав кабинета Штюмерера министров, пользующихся доверием общества и парламента. Впрочем, и этот вариант представляется нам почти невероятным.

Во всяком случае этот разговор с председателем Думы не испортил настроения императору. По возвращении в Царское Село он, как известно, записал в своем дневнике: «Оригинальный и удачный день!» (Николай II 1991: 572).

Похоже, что Николай II был склонен на первых порах рассматривать 9 февраля как свой успех. Он пожелал получить подтверждение этому и у своего премьера, закончив отосланную перед отъездом в Ставку записку Штюмереру вопросом: «Довольны ли Вы вчерашним днем?» (Монархия 1927: 98). В ответ Штюмерер в обстоятельном докладе заверил императора в том, что «все общество и вся печать с исключительным единодушием признали день 9 февраля днем огромного внутреннего значения, днем историческим». Премьер отметил также и смягчение тона думских выступлений в первые три дня февральской сессии; по его мнению, «среди крайне левых членов Думы» даже «наметился раскол». Заключение доклада звучало почти как победная реплика: «...те пары, которые в течение ряда месяцев бережно накапливались водителями оппози-

ции, в значительной мере уже выпущены и, как показывают все наблюдения, без тех последствий, на которые были рассчитаны» (Монархия 1927: 118).

Однако нарисованная Штюмером почти идиллическая картина не очень соответствовала действительности. Большинство Думы испытало разочарование сразу же после отъезда императора, и главной причиной тому был сам новый глава кабинета министров (Черменский 1976: 145–150; Аврех 1985: 82–87; Смирнов: 528–530).

Глинка отмечал в этой связи, что хотя посещение императором Таврического дворца «несколько приподняло настроение, но оппозиционного настроения не уменьшило; вслед за ним в начавшемся заседании была прочитана декларация блока и правительства (Штюмером). Эта последняя не произвела никакого впечатления, а сам Штюмер произвел прямо-таки грустное впечатление».

На удивление сходное мнение по тому же поводу сохранилось и в очередном послании Клопова царю, датированном 19 февраля (на этот раз за № 25): «... в высшей степени неудачная, бесцветная и холодная декларация Штюмера понизила приподнято-радостное настроение депутатов и публики... Такое же неудовлетворенное (так в тексте. – *Б.В.*) впечатление появление Штюмера в Государственной Думе в качестве главного руководителя правительства и его речь, напечатанная в газетах, произвели и на все петроградское общество: это мне пришлось заметить во всевозможных его слоях» (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.7–7 об.). О возможности участия Родзянко и Глинки в составлении и этого послания остается, как и в случае с письмом Клопова от 5 февраля, лишь строить предположения.

Но известно, что и Родзянко в эти дни также попытался повлиять на положение дел. На сей раз он прибег к главному (и практически единственному) находившемуся в его распоряжении легальному способу довести свое мнение до сведения верховной власти, использовав предоставленное ему законом право всеподданнейшего доклада императору «о занятиях Думы». При этом, как рассказывает Глинка, чтобы смягчить реакцию царя на возобновившиеся под сводами Таврического дворца атаки на власть, Родзянко даже «решился на тон, который, если бы только был узнан,

сломил бы его карьеру (Глинка имеет в виду “карьеру” председателя Думы в рядах объединенной оппозиции. – *Б.В.*). Он сказал царю, чтобы Он (т.е. император. – *Б.В.*) не изумлялся тем речам, которые были произнесены в Думе после его отъезда, ибо они были произнесены в том виде, как были составлены, когда еще никто не знал, что Его Велич[ество] посетит нас. Не успели их изменить, ибо не было времени, но если бы о посещении было известно раньше, то, конечно, речи были бы иные».

Эти свои соображения о характере думских дебатов по декларации Штюмерера председатель Думы, по всей вероятности, привел при своем ближайшем всеподданнейшем докладе вновь приехавшему из Ставки в Царское Село императору, состоявшемуся 23 февраля (Николай II 1991: 574; РГИА. Ф.516. Оп.1 доп. Д.17. Л.21 об.).*

Рассказывая об этой аудиенции в своих мемуарах, Родзянко вообще не упоминает о том, что такая тема возникла в ее ходе, зато сообщает о других, будто бы им поднимавшихся при докладе сюжетах – об «интригах министров», «участии Распутина в шпионаже как агента Германии» и т.п. (Родзянко 1993: 121).

Однако представляется невероятным, чтобы председатель Думы при сложившихся обстоятельствах действительно мог позволить себе такую агрессивность по отношению к своему императору. На деле скорее было как раз наоборот: речь в Царском Селе шла как раз о том, как в дальнейшем избежать в палате в ходе дебатов упоминаний «о безответственных влияниях». В этом духе Родзянко, ссылаясь на высказанные Николаем II в ходе этой аудиенции пожелания, и попытался затем воздействовать на своих коллег по Прогрессивному блоку, но все его усилия успеха не возымели (Падение 1926: 332–333; Аврех 1985: 89–90).

В итоге начало нового витка конфронтации «исторической власти» и думского большинства оказалось неизбежным.

Весьма любопытно, что в начале марта 1916 г. свою лепту в поиск новых путей к компромиссу между престолом и оппозицией попытались внести и оба бывших «соавтора» пред-

* Родзянко в «Крушении империи» ошибся на один день, указав в качестве дня приема 24 февраля (Родзянко 1993: 121).

седателя Думы – Клопов и Глинка. На этот раз Клопов вполне определенно высказался в своем письме императору от 7 марта за привлечение в состав кабинета (а в перспективе и назначение премьером) претендента на лидерство в оппозиционном лагере – главноуполномоченного Земского союза князя Г.Е.Львова (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.19–24). Глинка же пошел еще дальше, подготовив в приложение к этому письму записку, доказывавшую монарху абсолютную необходимость, чуть ли не неизбежность, дарования ответственного министерства (РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.45–48 об.).*

Эту записку предполагалось представить императору как анонимную, по всей видимости, из-за служебных неприятностей, которые могли грозить Глинке в случае, если его авторство стало бы известным его патрону Родзянко – принципиальному стороннику правительства доверия (Витенберг 1997: 106–107). От намерения послать императору «анонимную записку» тогда, в марте 1916 г., ее инициаторы (был ли среди них сам Львов – остается неизвестным) отказались, и она пролежала среди клоповских бумаг без движения до конца октября, когда ее вновь попытались использовать в политической игре, в которую на этот раз был вовлечен и великий князь Николай Михайлович (Дякин 1984: 617).

То обстоятельство, что, несмотря на прошедшие со времени ее составления полгода, в глазах тех, кто вновь попытался к ней обратиться, эта записка ничуть не устарела, а для тех, к кому она была обращена, судя по поведению власти

* Эту записку впервые ввел в научный оборот В.С. Дякин (1967: 245). Называя в своей книге, вышедшей в 1967 г., этот документ «“запиской” А.А.Клопова», он в то же время высказал предположение, что «автором ее мог быть и не сам Клопов». Валентин Семенович первым указал на возможную причастность Я.В.Глинки к составлению этой записки (Дякин 1984: 617). Теперь, когда мы знаем и о весьма близком знакомстве Глинки с негласным советником императора, и о роли, которую фактический руководитель думской Канцелярии играл в завязавшейся вокруг «клоповского» послания от 1 февраля интриге, когда в глаза бросается полное совпадение взглядов автора записки с политическими воззрениями самого Глинки (известными нам по его дневнику), нет сомнений в том, что именно он был автором этой анонимной записки. Это прямо следует и из имеющихся и на этом документе, и на копии письма Клопова от 7 марта помет, указывающих на авторство Глинки (Витенберг 1997: 106–107).

осенью 1916 г., по-прежнему была абсолютно неприемлема, наглядно показывает, что реальные политические результаты памятного для современников дня 9 февраля действительно оказались ничтожными.

Однако этот эпизод российской политической истории уже далеких времен Первой мировой войны приобретает иное значение, если рассматривать его в контексте всей нашей истории заканчивающегося XX века, включая ее новейший период.

При таком взгляде преемственность традиций российской верховной власти оказывается более чем очевидной, в том числе и по отношению к народному представительству, вне зависимости от того, продиктована эта преемственность попыткой творческого усвоения опыта прошлого или осуществляется носителем этой власти чисто интуитивно.

Но все же если путь Николая II в Государственную думу занял почти 10 лет, то приезд президента Российской Федерации в здание на Охотном ряду, где квартирует ее современная преемница, состоялся уже на исходе четвертого года ее деятельности: напомним, поскольку эта дата еще не стала привычной для историков и политологов, что президент впервые прибыл в Думу 6 ноября 1997 г., чтобы вручить орден ее председателю (несомненно, жест и политический, и символический), а спустя месяц, 5 декабря, впервые присутствовал и на пленарном заседании Думы.

Время покажет, дает ли это некоторые основания для исторического оптимизма в отношении будущего демократических институтов в России.

Литература

- Аврех 1985 – Аврех А.Я. Распад третьионьской системы. М., 1985.
Аврех 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
Александра Федоровна 1996 – Александра Федоровна – Николаю II 13 ноября 1915 г. // Платонов О. Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996.
Бюкенен 1991 – Бюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.

- Витенберг 1997: Витенберг Б.М. М.В.Родзянко или князь Г.Е. Львов? Проблема лидерства в объединенной оппозиции (осень 1915 – рубеж 1916–1917 гг.) // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1997. Vol.24. Nos.1–2.
- Витенберг 1998 – Витенберг Б.М. Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен // *Из глубины времен*. СПб., 1998. Вып.10.
- Буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны: 1914–1917. Л., 1967.
- Дякин 1984 – Дякин В.С. Царизм и Первая мировая война // *Кризис самодержавия в России: 1895–1917*. Л., 1984.
- Клопов 1991 – Письма чиновника Клопова царской семье / Вступ. статья В.И.Старцева, примечания В.И.Старцева и Б.Д.Гальпериной // *Вопросы истории*. 1991. № 2–3. С.204–222.
- Коковцов 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн.2.
- Куманин 1999 – Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // *Вопросы истории*. 1999. № 2.
- Лукоянов 1996 – Лукоянов И.В. Тайный корреспондент Николая II А.А.Клопов // *Из глубины времен*. СПб., 1996. Вып.6. С.64–86.
- Малеванов, Травин 1998 – Малеванов Н.А., Травин В.И. Тайный советник Николая II: Эпистолярное наследие коллежского асессора А.А.Клопова // *Александровский дворец: История. Владельцы. Коллекции. Краткое содержание докладов IV Царкосельской научной конференции*. СПб., 1998.
- Милюков 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2.
- Монархия 1927 – Монархия перед крушением: 1914–1917: Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.; Л., 1927.
- Николай II 1991 – Дневники императора Николая II. М., 1991.
- Ольденбург 1991 – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб. 1991.
- Падение 1924 – Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1924. Т. I.
- Падение 1926 – Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. VI.
- Падение 1927 – Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1927. Т. VII.
- Петрункевич 1993 – Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // *Архив русской революции*. Т.21–22. М., 1993. Т.21.

- Поливанов 1994 – Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 10.
- Распутин 1996 – Г.Е. Распутин глазами официальных властей / Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.Л.Фирсова // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн.6.
- Родзянко 1986 – Родзянко Е. Как создавались записки М.В.Родзянко // Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция: Первое полное издание записок Председателя Государственной Думы. С дополнениями Е.Ф.Родзянко. Нью-Йорк, 1986.
- Родзянко 1991 – Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т.5–6. М., 1991. Т.6.
- Родзянко 1993 – Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т.17–18. М., 1993. Т.17.
- Савич 1993 – Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Садьков 1993 – Садьков В. Последний председатель Государственной Думы // Архив русской революции. Т.17–18. М., 1993. Т.17.
- Симанович 1924 – Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1924.
- Смирнов 1998 – Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998.
- Солженицын 1993 – Солженицын А.И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках и 4 узлах. – Узел II: Октябрь шестнадцатого // Собр. соч. М., 1993. Т.4.
- Старцев 1977 – Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.
- Черменский 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.